

АНДРЮША, ты люби меня, как я люблю тебя. Ты знаешь, это какое богатство — любовь! Правда, некоторые считают, что моя любовь какая-то не такая и от нее, мол, один вред. А может, на самом деле она помешала тебе быть примерным школьником? Ведь я ни разу так и не выпорол тебя за девять школьных лет.

Помнишь, ты строил рожи у доски, класс хохотал, а учительница потом долго мне выговаривала? Вид у меня был трижды виноватого, точно я стою в углу, а она меня отчитывает, как мальчишку. Я уже готов на любые унижения, а ей все мало: «Ведь сам ничего не знает и другим учиться не дает... ведь придется вам его из школы забрать... ведь слова на него не действуют...»

«Ну, думаю, дам сегодня затрещину, все!» С этими мыслями пересекаю школьный двор и выхожу на Комсомольский проспект. От волнения не могу сесть ни в такси, ни в троллейбус, иду пешком.

Женщина тащит тяжелую сумку, ребенок плачет, а увидев меня, улыбается, слышу, мать говорит: «Вот и Винни Пух над тобой смеется...» Незнакомый человек здоровается со мной. Осенний ветерок обдувает меня. Подхожу к дому с чувством, что принял на себя удар, и... ладно. Вхожу, окончательно забыв про затрещину, а, увидев тебя, спрашиваю: «Что за рожи ты там строил, покажи-ка!» И мы хохочем.

И так до следующего вызова. Мать не идет в школу. А я лежу и мечтаю: хоть бы ночью вызвали на съемку в другой город или с репетиции не отпустили бы... Но я отправившись с репетиции и бегу в школу — занять свою позицию в углу.

Оттого и пишу тебе эти письма, чтобы исправить что-то неправильное, и выгляжу, наверное, смешным и нелепым, как некоторые мои персонажи. Но ведь это я! В сущности, дружок, ничего нет проще живой тревоги отцовского сердца.

Когда я один, вне дома, то-ска, вспоминаю каждое твоё слово и каждый вопрос, мне хочется бесконечно с тобой разговаривать. Кажется, и жизни не хватит обо всем поговорить. Но знаешь, что самое главное? Я это понял после смерти своей матери, нашей бабушки. Эх, Андрюшка, есть ли в твоей жизни человек, перед которым ты не боишься быть маленьким, глупым, безоружным, во всей наготе своего откровения? Этот человек и есть твоя защита.

А я уже скоро буду дома.
Отец.

ЛЕНИНГРАД. 1974 г.
Привет тебе, Андрюша! Второго дня в Днепрпетровске, но вижу его только из окна автомобиля. Сегодня вот удалось одному побродить по набережной, ночью, конечно. Вернулся в номер и не спится. Знаешь, о чем подумал? Иногда необходимо человеку побыть одному, в тишине, собраться, подтянуться, взглянуть в себя. Мне это редко удается. А вот ты слышал когда-нибудь тишину?

Впервые я испытал необыкновенное ощущение тишины на берегу океана, тишины как какой-то величественной тайны. И почему-то, когда я впервые услышал тишину, она была связана с необъяснимой тревогой. На сцене тоже тишина всегда для меня связана с чем-то нервным. Правда, сценическая тишина вообще драматична. А в жизни — совсем другое дело. В Москве как-то был у друзей, они живут в переулке. У нас под окнами, сам знаешь, вечно гузят, чинят машины, восемь черных кошек, вороны...

Конечно, у мальчишек нет чувства благоговения перед тишиной, вы любите веселые, шумные игры. Я сам тоже люблю побеситься, ведь на даче, как тебе известно, ребята и теперь еще принимают меня в футбол, на воротах постоять... И я все не о том, что лучше, сложив ручки, тихо сидеть у плетня, чем кричать и бегать, гонять мяч или танцевать до упаду. Пусть это все будет, но надо бережно и к тишине относиться, должен быть такт, осторожность — в отношении к людям, природе, к красоте тихой минуты. Люди без понятия о покое, уважении к человеку — какие-то ущербные. Согласись, какое чудо — мирная дружеская беседа или чуткий сон малыша... Иногда наблюдаешь такую картину с умилением, и вдруг — вопль бесовский, грохот магнитофона. Ужасно!

Но хочу сказать тебе о другом. Есть еще тишина — та, которая возникает во мне, в тебе, в нас, когда думаешь, погружаешься в себя. Редкие люди способны организовать такую — свою — тишину. И для этого тоже надо сначала научиться слышать, чувствовать тишину общую, чужую.

Когда Юрий Гагарин вернулся на Землю, я был в Ленинграде на съемках, в гостинице, в своем номере. Я смотрел на экран телевизора, видел Гагарина идущим по торжественной дорожке, и мне казалась, что весь мир замер и, как и я, слушает его шаги. От этой тишины разрывалось сердце. Я даже не знаю, были ли тогда какие-то звуки по телевидению. По-моему, нет. Это действительно был миг тишины — изумленная планета смотрела на своего сына, впервые разорвавшего пути земного притяжения. Я потом долго думал о нем, он мне снился, и, честно тебе скажу, во сне меня иногда охватывал страх: а вдруг он будет все время там крутиться и никогда не вернется?.. И вот он идет по дорожке и улыбается...

Тишина — это какое-то особое состояние мира и человеческой души, когда мы себя чувствуем частичкой вечности, каплей океана. Вне тишины нельзя понять красоту.

Когда выйдешь в поле, где ветер треплет колосья пшеницы, кажется, что все другие звуки пропали, а эта песня ветра специально ласкает ухо, чтобы ты оглянулся и понял, какая кругом тихая благодать. Или в лесу перелетит птица с дерева на дерево, хрустнет лист под ногой, и ты услышишь, как торжест-

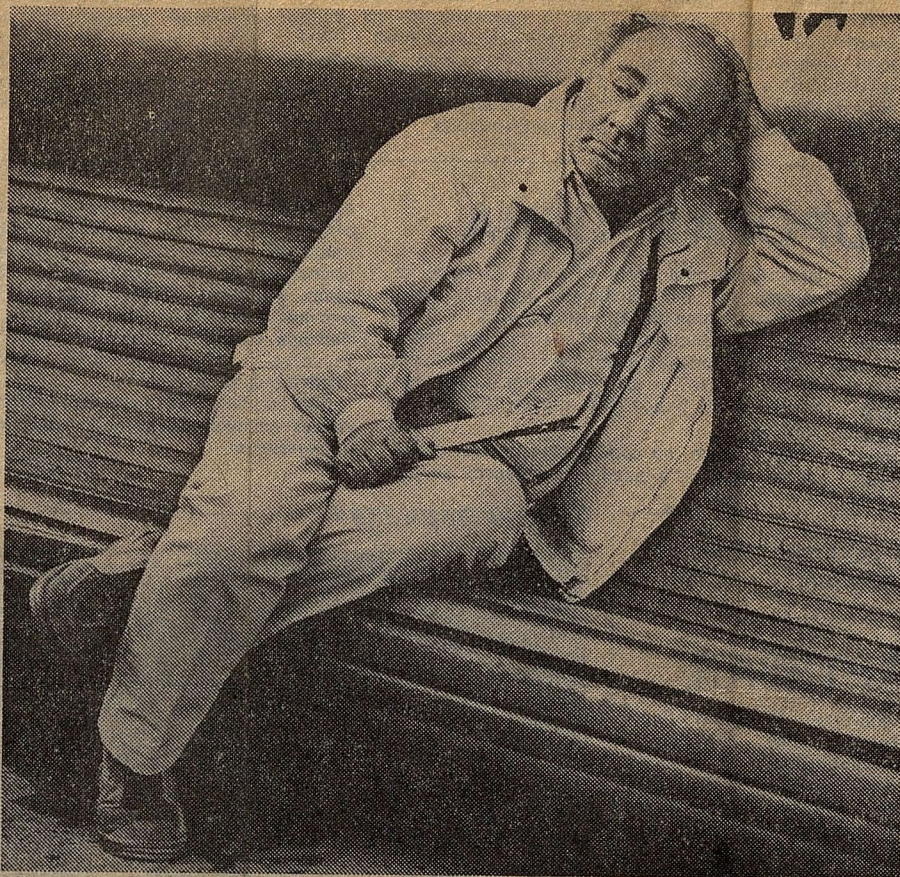
По предложению издательства «Молодая гвардия» Евгений Павлович Леонов работает над книгой для молодежи.

— Я назвал ее «Письма сыну». Они писались в разные годы — когда Андрей был школьником, когда учился в Театральном училище имени Щукина, служил в армии. Теперь он мой коллега. Мы работаем в одном театре — имени Ленинского комсомола. Андрею, его товарищам, вообще его сверстникам — и не только тем, которые работают в искусстве, — я хочу рассказать о том, как я падал и как был счастлив, с кем встречался, кого терял, приобретал. Эта книга не мемуары, хотя материалом для нее послужили мои жизненные наблюдения, встречи, разговоры, впечатления, размышления.

Страницу «В кругу семьи» у меня в доме читают все — и молодожены, и старики, — и потому наша первая публикация принадлежит этой странице.

Евгений ЛЕОНОВ, народный артист СССР

ПИСЬМА СЫНУ

венно спокоен лес. И морская волна бьется мерно, с музыкальным счетом, о берег, чтобы вынул человек тишине. Много удивительно придумала природа, чтобы помочь нам услышать ее. Когда одинокий лыжник пересекает белое поле, земля, одетая снегом, так спокойна...

Тишина — это уважение людей друг к другу, это нежность и любовь. Как я люблю те дома, где тихо! Значит там — климат уважения. А сохранить тишину на планете — это тоже означает установить климат уважения народов друг к другу. Бродил сейчас по набережной и думал: был бы ты со мной, спустились бы мы к воде, сели рядом и помолчали бы вместе. Днепр нежно так, бесшумно катил бы свои воды, на другом берегу редкими огоньками подмигивал бы нам уснувший город, сидели бы молча и думали о чем-то важном... Хорошо! Правда ведь? Обнимаю тебя.

Отец.
ДНЕПРОПЕТРОВСК. 1975 г.

Сынок, Тбилиси — город, куда я должен тебя непременно

привезти. Впервые, помню, приехал сюда, уже готовый его любить. И не потому, что мои друзья — Гия и Буба, Даниеля и Кикабидзе — много рассказывали мне о Тбилиси. Просто, мне кажется, свою нежность к ним я перенес и на их родину. Одним словом, этот город не должен был меня завоевывать, я был заранее согрет его товариществом.

Есть города, в которых не чувствуешь себя чужим. На улице слышу грузинскую речь, из репродуктора доносится грузинская мелодия, в метро не сразу нахожу надписи на русском, но не чувствую себя отдельно, отстраненным, одиноким. Все вокруг особенное, красивое, но принадлежит всем, кто видит и понимает эту красоту. Впрочем, это ведь общая истина: и в искусстве, и в жизни все прекрасное принадлежит тому, кто способен видеть и чувствовать.

Тбилиси я воспринимаю как один большой дом. Хороший дом держится на уважении к дому каждого, кто в нем находится, не так ли? Здесь это есть, я очень ощущаю это. Гру-

зины знают свою историю, корни, традиции, что очень проявляется в искусстве, в культуре музицирования, я имею в виду не академическое пение или эстраду, а в быту. Многие поют, и так красиво, музыкально. Конечно, ты сейчас думаешь: еще бы мне было плохо в Тбилиси, небось, за мной ухаживали, принимали... Верно. Гия даже повел меня в гости к Верико Анджапаридзе, я был польщен, как мальчик, что она меня знает видела мои фильмы и ей многое нравится.

В этом городе очень остро чувствую любовь к жизни, нежность к людям, и, как всегда, охватывает меня желание разделить все это с тобой, сынок.

Тбилиси закрыт горами от недобрых ветров — как женщина за спиной верного мужчины чувствует себя неуязвимой для злых сил. Не замечаю здесь столичной суетности. Если беседуешь с человеком, чувствуешь, что он готов говорить с тобой вечно. Может, я просто устал торопиться? Но, в самом деле, каждый миг жизни уходит. Вот пишу тебе пись-

мо на балконе гостиницы «Иверия». Внизу — Кура, сплошной светящейся лентой по набережной бегут машины, кажется, не река несет свои воды, а каменные берега уносят ее. И никогда уже не буду я, глядя с этого балкона на город в огнях, думать о твоих экзаменах. Когда ты получишь это письмо, один экзамен уже будет позади, и ты сразу мне позвонишь, а я, конечно, буду звонить и днем, и вечером. Хочу сказать тебе: от случайностей многое зависит в жизни, и все же то, что зависит от случайностей, — не главное.

Отец.
ТБИЛИСИ. 1976 г.

Служить в армии — гражданский долг, Андрюша, я не сомневался, что ты его исполнишь. Ты сам не подозреваешь, что откроется тебе в жизни, это — твой опыт, самый огромный, собственный...

А теперь Расскажи: как в танке? Тяжело очень? Я-то, наверное, не влез бы в танк, а влез бы, так и задохнуться мог. Дышу что-то плохо: или сер-

дечная недостаточность, или устал чертовски. Ночами вовсе не сплю, о тебе думаю.

Не понимаю, Андрей, почему тебя обижает, что твои друзья-солдаты меня называют комиком. Отнюдь это не умаляет моих достоинств. Вот Феллини, например, великую Джульетту Мазину считает «настоящей клоунессой». Клоунский дар главный режиссер кинематографа считает высшим актерским даром. Я с ним согласен. Имеется в виду погружение в характер и одновременно владение идеей, которая может быть не только внутри характера, но и над ним, более того, возможны переменчивые, драматичные отношения между идеей и персонажем. Неспособ Феллини считать клоунский дар самым утонченным и подлинным выражением актерского темперамента.

Ну как? Что скажешь, сын комика?

МОСКВА. 1982 г.

Я хотел, чтобы ты трудился, как я, всю жизнь, прошел через массовки и т. д. Но эти слова тебе, наверное, ничего до конца не откроют. Вот пришел я в театр, играл в массовках с упоением, долго играл в них, много лет... Важно выдержать марфонский ход актерского и человеческого становления. Я хотел бы, чтобы ты, Андрюша, воспринимал и плохое, и хорошее в свое сердце, чтобы замечал в людях не только видное, но и спрятанное. Вот ты очень любишь животных, пожалел и привез собачку: значит, в тебе есть потребность сочувствия. Ты умеешь дружить, душу отдаешь, но вдруг я замечаю — исчезает кто-то из друзей. Видно, произошло что-то такое, что тебя обидело. Важно научиться улавливать в людях и то, что скрыто: бывает, что человек весел от горя, от какой-то несостоятельности. И еще важно научиться падать. В моей актерской судьбе счастья было меньше, чем трудностей. Я научился так все воспринимать, что для меня нет понятия «бесспорно». Я только хочу верить, что есть люди, которым нравится то, что я делаю, и я благодарен им, они меня очень поддерживают.

Я вспоминаю, что я «народный», только тогда, когда что-то происходит. Вот вошел я по просьбе Марка Анатольевича Захарова в спектакль «Синие кони на красной траве», чтобы его «подрепетить». С двух репетиций начал играть крестьянина-ходока. Одну из небольших ролей играет девушка с курносим носиком. Может быть, она хорошая девушка, но вот на репетиции говорит мне: «Евгений Павлович, вы стойте здесь, я здесь. Затем я прохожу, потом вы переходите сюда». Я говорю: «Подождите, подождите, я сам». Она: «Почему сам, когда все уже найдено?» Я тогда озлобился: «Отойди, не мешай! Будешь учить кого другого, я старший». И Захаров тоже: «Евгений Павлович, не надо отходить, вот здесь и оставайтесь». Говорю: «Мне же надо тайну сыграть! Я

не могу на авансцене что-то говорить Ленину, ведь я напуган репрессиями в деревне, мне хочется отойти подальше». Я, конечно, сыграл по-своему, и Захаров это принял.

Итак, я погружаюсь в образ. Я думаю о своем персонаже, надеваю его одежды, проникаюсь его тревогой. Я смотрю вокруг его глазами, хитрю и примериваюсь: надо выяснить поточнее, чего мужику ждать от этой жизни. Все я делаю точно, но... Но оживает все только в контакте со зрителем.

Каждый вечер я иду на сцену. Не на Олимп, не на Голгофу — к людям. Я, крестьянский ходонок, втягиваю их в свои делишки, надеюсь, что либо они со мной заодно, либо, подзревая, что они могут быть против, — этих я хороню. Но я их учитьваю, с ними взаимодействую. Между мной и зрителем нет никакой стены — ни четвертой, ни прозрачной. И если надо сказать что-то тайно от людских ушей, хотя и на глазах у всех, на виду, я и увожу партнера от рамп, вглубь. Тогда они, зрители, понимают, что важно мне потихоньку спросить кое-что у самого главного человека, и они напрягаются, ловят каждое слово, и доигрывают сцену, в которую я их втянул. Вот почему, дружок, играть надо было только так. Терпеть не могу, когда говорят: можно так, а можно не так.

Театр — не кино, не эстрада, не телевидение. Театр — не рассказ о любви, это она сама — любовь. И значит, она двое: ты и зритель. Это — моя вера.

Как много вмещает в себя понятие — достоинство актера! Когда я был чуть старше, чем ты, помню, был у нас в Театре имени Станиславского спектакль «Правда о его отце», ставил Алексей Денисович Дикий. Проходил трудно, несколько раз приглашали репертком. Наконец, сыграли, и после был устроен банкет. Но Дикий ушел и больше не приходил ни на этот спектакль, ни в театр...

Не всегда можешь сразу открыто заявить о солидарности с человеком, которого считаешь правым. Тебя вроде не спрашивали — и помалкивай. Но ведь, честно говоря, молчим-то из трусости, боимся навлечь на себя неприятности, оправдываемся: своих хватает. А загонять в себя гнев, протест, значит, коптить инфаркт. Сознаться это только к старости. Сдержанность — признак культуры, я согласен, однако ясность взгляда, прямота — тоже не последние качества. Соединить бы это!

Ты иногда ставишь меня в тупик своими вопросами. Я и думаю: может, у вас, молодых, своя правда, жизнь дает вам свои уроки, а наш опыт пусть остается с нами. Я не навязываюсь тебе, учти. Я не настолько самоуверен, чтобы считать, что понял все.

Отец.
РИГА. 1984 г.

Публикацию подготовила
Н. ИСМАИЛОВА.